

**РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ / RUSSIAN
LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.47.11>

**РОЛЬ ИРОНИИ В СТИХОТВОРНОЙ САТИРЕ Ф.И. ЧУДАКОВА, ПОСТРОЕННОЙ НА СОПОСТАВЛЕНИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ**

Научная статья

Лю И.¹*

¹ ORCID : 0009-0004-7649-8922;

¹ Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (liuying91[at]mail.ru)

Аннотация

Объект исследования в статье – стихотворная сатира Фёдора Чудакова 1910-х гг.: шуточное стихотворение «Патриотическое» (1912), фельетоны «Накипь дня (Очень странный прокурор...)» (1914) и «Экспорт и импорт» (1916). Данные тексты рассматриваются на фоне других произведений сатирика. Предмет исследования – проблематика и поэтика в их неразрывной связи, жанрово-видовые, стилевые, речевые формы воплощения жизненного материала и авторской точки зрения, средства и приёмы создания иронического, комического, сатирического эффекта. В работе используются системный, описательный, историко-литературный, структурно-типологический, лексико-семантический методы исследования. Методологической базой являются труды теоретиков литературы, занимающихся исследованием художественности, а также природы смеха, комизма, сатиры как литературного феномена: М.М. Бахтина, Ю.Б. Борева, Л.В. Карасёва, В.И. Тюпы и др. Новизна исследования обусловлена тем, что в научный дискурс вводится новый материал: детально проанализированные в статье произведения никогда прежде не изучались. Помимо этого, в творческом наследии сатирика впервые выделяется и описывается особая проблемно-тематическая группа произведений, более наглядно и ёмко, чем другие, демонстрирующих представления автора о месте России в мире. В ходе исследования получены следующие основные выводы. В данных произведениях прямо не проявляющий себя автор близок к героям, порою «растворяется» в них, но в то же время с помощью «притворства» и полускрытой насмешки выстраивает между собой и ними ощутимую читателем дистанцию. Воспроизводя точку зрения персонажей, за счёт использования этих средств автор добивается эффекта отчуждения и таким образом доносит до читателя собственную позицию, радикально отличающуюся от той, носителями которой являются его персонажи.

Ключевые слова: Фёдор Чудаков, стихотворная сатира, фельетон, ирония.

**THE ROLE OF IRONY IN F.I. CHUDAKOV'S POETIC SATIRE BASED ON A COMPARISON OF THE RUSSIAN
EMPIRE WITH OTHER COUNTRIES**

Research article

Liu Y.¹*

¹ ORCID : 0009-0004-7649-8922;

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russian Federation

* Corresponding author (liuying91[at]mail.ru)

Abstract

The object of research of the article is Fyodor Chudakov's poetic satire of the 1910s: the joke poem "Patriotic" (1912), feuilletons "The Scum of the Day (A Very Strange Prosecutor...)" (1914) and "Export and Import" (1916). These texts are studied against the background of other works of the satirist. The subject of the research is problematics and poetics in their inseparable connection, genre-species, style, speech forms of embodiment of life material and author's point of view, means and methods of creating ironic, comic, satirical effect. The work uses systematic, descriptive, historical-literary, structural and typological, lexical and semantic methods of research. The methodological basis are the works of literary theorists who are engaged in the study of fiction, as well as the nature of laughter, comicism, satire as a literary phenomenon: M.M. Bakhtin, Y.B. Borev, L.V. Karasev, V.I. Tyupa and others. The novelty of the study is due to the fact that new material is introduced into the scientific discourse: the works analysed in detail in the article have never been studied before. In addition, in the creative heritage of the satirist for the first time a special problem and thematic group of works is singled out and described, which demonstrate the author's ideas about Russia's place in the world more clearly and succinctly than others. In the course of the research, the following main conclusions were obtained. In these works, the author, who does not show himself directly, is close to the characters, sometimes "dissolves" in them, but at the same time, with the help of "pretence" and half-concealed ridicule, he builds a distance between himself and them that is perceptible to the reader. By reproducing the point of view of the characters, the author achieves the effect of alienation through the use of these means, thus conveying to the reader his own position, which is radically different from that of his characters.

Keywords: Fyodor Chudakov, poetic satire, feuilleton, irony.

Введение

Фёдор Иванович Чудаков (1888–1918) – российский сатирик начала XX в., поэт, прозаик, драматург, публицист, сотрудник, а в некоторых случаях и редактор, газет «Амурский край», «Эхо», «Амурское эхо», «Народное дело», а

также журналов «Колючки», «Зея», «Дятел, беспартийный». Печатался он обычно под инициалами Ф. Ч. (лирика) или псевдонимами: Кузьма Резниченко, Эс-эр (проза), Амурец, Гуслер (лирика и сатира), Босьяк, Соловей Разбойник, Язва и пр. (сатирические стихи и фельетоны), Мисс Нелли (театральные рецензии, литературные обзоры, очерки о русских и зарубежных писателях).

Уроженец города Чембар Пензенской губернии, последние десять лет своей короткой жизни он провёл на Амуре, в Благовещенске, где и раскрылся его художественный дар, прежде всего сатирический. Чудаков пользовался большой популярностью у читателей, однако после самоубийства, ставшего актом отчаяния и протеста против зверств, учинённых большевиками при подавлении так называемого Гамовского мятежа, и творчество, и даже само имя его почти на век были преданы забвению. С начала 1920-х гг. и вплоть до недавнего времени Чудаков не упоминался ни в одном не только общероссийском, но даже региональном – сибирском или дальневосточном – литературном справочнике.

По нашим подсчётам, в амурской периодике 1909–1918 гг. Чудаков опубликовал более полутысячи одних только стихотворных фельетонов и сатирических стихов, 372 из них включены в двухтомник избранных сочинений, изданный 101 год спустя после его трагического ухода [23, С. 31–398]. Эти тексты исследователи обычно делят на три большие проблемно-тематические группы: произведения о событиях местной (амурской), общероссийской и международной жизни. Первая и вторая примерно равны и в общей сложности составляют около четырёхсот пятидесяти произведений, третья включает более семидесяти.

Актуальность данного исследования обусловлена его участием, пусть и скромным, в процессе устранения «белых пятен» в истории русской литературы начала XX столетия, в создании более полного представления о содержании историко-литературного процесса данного периода. Помимо этого, обращение к творчеству Чудакова актуализирует проблему писателей так называемого «второго ряда» (или «регионального масштаба»).

Изучение его творчества, в том числе сатирического, началось сравнительно недавно – около 10 лет назад. Тем не менее отдельные сферы сатиры Амурсца освещены уже сравнительно основательно. Всесторонне проанализированы, например, сатирические стихи и фельетоны, составившие сборник «Шпильки» (1909) [20, С. 223–240]. В ряде статей подробному разбору подвергнуты отдельные фельетоны или «сплотки» тематически связанных фельетонов. Чаще всего исследователи обращались к стихотворной сатире на местные темы [5], [14], [21], реже – на общероссийские [12], [19] и международные [13], [18].

До настоящего времени никто из исследователей не обращал внимания на сатирические стихи и фельетоны Амурсца, которые не укладываются в рамки одной тематической группы и строятся на сопоставлении России с другими странами. Этот пробел и призвана устранить данная статья. Хотя подобных произведений в творческом наследии Чудакова нам удалось обнаружить не очень много – в пределах десятка, они представляют особый интерес, так как более наглядно демонстрируют представления автора о месте России в мире, о том, что мешает ей более динамично двигаться вперёд.

Материалом исследования стали произведения Ф. Чудакова выделенной нами проблемно-тематической группы, опубликованные в амурской периодике 1909–1918 гг., как вошедшие, так и не вошедшие в двухтомник писателя [23].

Цель исследования – анализ этой небольшой, но важной части литературного наследия сатирика: художественных форм выражения авторского сознания, наиболее характерных для писателя средств и приёмов создания иронического, комического, сатирического эффекта.

Обсуждение

На протяжении всего своего творческого пути и в газетной публицистике, и в прозе, и в стихотворной сатире Фёдор Чудаков стремился донести до читателей мысль, что одной из главных помех, мешающих экономическому, социально-политическому, культурному развитию России, является закостеневшая бюрократическая система. Чтобы выразить критическое отношение к ней, сатирик использовал разные поводы, в том числе напрямую не связанные с темой бюрократизма. Одним из таких поводов стала растиражированная газетами фраза «Вы много можете нам дать, но ещё более можете взять у нас». Её произнёс на банкете в честь японской делегации граф В.Н. Коковцов (1853–1943) – видный государственный деятель, председатель Совета Министров Российской империи (1911–1914) и министр финансов (1904–1914), а в 1916 г. – влиятельный член Государственного совета, сенатор.

Процитированное высказывание российского сановника Чудаков использует в качестве эпиграфа к фельетону «Экспорт и импорт», опубликованному в газете «прогрессивного» направления «Амурское эхо» [2].

Композиционно фельетон делится на две части. В первой, особенно в её начале, доминирует «голос» персонажа, развивающего свой привлёкший внимание газетчиков тезис, объясняющего, что именно могут позаимствовать иностранцы у самодержавной России. Произведение представляет собой подобие неопубликованной речи Коковцова на банкете, «реконструированной» творческой фантазией фельетониста. Он заключает её в кавычки – маркер прямой речи: «Всё уступим не жалея! / Всё на свете трън-трава! / Наша матушка-Расея / Всем европам голова! / У неё любых богатств, / А особенно “препон”, / И иных подобных качеств, / Прямо скажем – миллиён. / Вывозите без стеснений / Кипы в тысячи дестей / Разъяснений, пресечений. / Циркуляров и “статей”» [2].

Основной формой «присутствия» автора здесь становится ирония (от др.-греч. *εἰρωνεία* – притворство, насмешка). Как известно, главный отличительный признак иронии – «двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый» [15, С. 109].

Первая часть фельетона в формальном отношении представляет как будто бы «беспримесную» нарративную проекцию сознания персонажа, но при этом содержит иронический пафос, на повествовательном, образном и языковом уровнях проявляющий вполне определённое идейно-эмоциональное отношение автора к герою и – шире – к «патриотической» риторике, которую используют сторонники монархического строя. Читатель не может не понять, что воспроизводимая в фельетоне «прямая речь» Коковцова, оттеняемая авторским «притворством» и его же полускрытой насмешкой, транслирует смысл, прямо противоположный тому, который пытается выразить персонаж. А

именно, что российскому самодержавию нечего предложить зарубежным странам, кроме неисчислимого потока казённых бумаг, циркуляров, предписаний и прочих плодов бюрократической деятельности. О канцелярских бумагах, грозящих погresti под собою всю страну, Чудаков писал не раз, в частности, в иронической «Легенде о берёзе», опубликованной три недели спустя после «Экспорта и импорта». Свои собственные представления о засилье в России казённой бумаги сатирик там вкладывает в уста даурского шамана, объясняющего своим соплеменникам, что именно предвещает появление в их краях прежде неведомого дерева – белой берёзы: «Знаменует собою берёза / Циркуляров различных полвоза. / Да, пророчит берёза бумажный поток, / Ураган всевозможной бумаги. / Он собой занесёт, словно снежный сугроб, / Все поля, и леса, и овраги! / Планомерных проектов нахлынет поток, / И по всем перекрёсткам таёжных дорог / Забушуют ручьи представлений, / Циркуляров, указов и мнений...» [8].

Иронический смысл в первой части «Экспорта и импорта» создаётся с помощью целого комплекса художественных и речевых средств, в том числе аллюзий. Так, включенное фельетонистом в «речь» персонажа выражение «Наша матушка-Расея всем европам голова!» отсылает читателя к словам из немудрёной военно-патриотической песни времён Николая I и покорителя восставшей Польши (1830–1831) генерала Паскевича: «За морями знают нас. / Хоть и лихи вы, поляки, покоритесь вы нам! / Если нам не покоритесь, пропадёте как трава! / Наша матушка Россия всему свету голова!» [11, С. 78]. Слова эти получили широкую известность после публикации повести А.П. Чехова «Степь» (1888), где они и были приведены. Отношение автора фельетона «Экспорт и импорт» к «имперской» похвальбе ничем не отличается от отношения к этому явлению Чехова. В его повести слова эти в исполнении малопривлекательного персонажа получают саркастическую оценку, подвергаются прямому снижению в авторском повествовании: «“Наша матушка Расея всему свету га-ла-ва!” – запел вдруг диким голосом Кирюха, поперхнулся и умолк. Степное эхо подхватило его голос, понесло, и, казалось, по степи на тяжёлых колёсах покатила сама глупость» [22, С. 78].

Российский сановник высокого ранга с помощью этой аллюзивной параллели ставится в один ряд с Кирюхой – ограниченным, комичным персонажем Чехова. Тем самым подвергается ироническому снижению, начинает комично выглядеть не только конкретный государственный деятель, но и образ мыслей части российского общества. Говоря о комичности, мы отталкиваемся от точки зрения Ю. Борева, писавшего о том, что «комическое – смешное, имеющее широкую общественную значимость» [4, С. 16]. Чтобы наглядней представить ущербность сознания казённых патриотов, автор фельетона насыщает монолог своего персонажа просторечной, сниженной лексикой и фразеологией, «заставляет» его употреблять слова и выражения, которые характерны для малограмотных обывателей, считающих царскую Россию эталоном совершенства и объектом зависти всех прочих государств и народов.

Имплицитный, прямо почти не проявляющий себя автор очень близок к своему герою, в определённом смысле даже «растворяется» в нём, но в то же время между ними выстраивается ощутимая дистанция, со стороны автора имеющая иронический, отчуждённо-насмешливый характер. Один из формальных признаков отчуждения и насмешки – кавычки, с помощью которых автор актуализирует некоторые сочетания слов в монологе персонажа: «Вывозите из столицы, / Оптом сваливайте в склад / И “ежовы рукавицы”, / И “макаровых телят”...» [2]. Заключённое в кавычки – производное от устойчивых фразеологических оборотов, которыми принято обозначать не самые привлекательные стороны российской действительности. «Ежовы рукавицы» – от «держат в ежовых рукавицах», то есть быть строгим в обращении с кем-либо, не давать никаких поблажек. «Макаровы телята» – производное от «куда Макар телят не гонял», то есть в самые отдалённые и опасные места – обычно в тюрьму, ссылку, на каторгу. Воспроизводя монолог персонажа и прямо не выражая несогласия с ним, автор фельетона, тем не менее, даёт понять, что он – противник бюрократической системы, комфортно чувствующей себя в государстве, в котором попираются права и свободы народа. Здесь, в этом произведении, автор – вроде бы лишь «ретранслятор» чужой точки зрения, но с помощью иронии ему удаётся донести до читателя свою собственную позицию – то, что в прямой форме он выразил в некоторых других произведениях. Например, в опубликованном годом ранее фельетоне «Кто он?» – отклике на газетную дискуссию о политической программе только что назначенного министра внутренних дел А.Н. Хвостова. Автор этого произведения в финальной части открыто констатирует, что споры общественности на эту тему – пустая трата времени, ибо никакие новые назначения ничего не могут поменять в самих принципах устройства России как полицейского государства: «Не склоняет гордой выи / Над загадкой роковой / Лишь один во всей России – / Господин городовой. / В быстром беге мчится мимо / Гул и крик народных толп, – / Он стоит несокрушимо, / Как могучий вечный столп. / Наши дни, как волны, быстры, / Всё идёт своей чередой... / Пусть сменяются министры – / Вечен лишь городовой!» [1].

Как известно, «ироническое высказывание есть притворное приятие чужого пафоса, а на деле его дискредитация как ложного» [17, С. 480]. В «Экспорте и импорте» имплицитный автор «подыгрывает» своему герою, «совпадает» с ним. Вместе с ним он пытается убедить иностранцев, что имперской России есть чем гордиться, что она может щедро поделиться с соседями своими достижениями. Однако горделиво-пафосное перечисление этих самых «достижений» способно вызвать у читателя лишь ироническую реакцию. Рекламируемые персонажем и «подыгрывающим» ему автором атрибуты сугубо бюрократического, полицейского государства в представлении «прогрессивной общественности» (именно она преобладала среди подписчиков «Эха» и «Амурского эха») – совсем не то, чем принято гордиться.

По воле сатирика в середине первой части персонаж, по-прежнему восхваляя самодержавную, имперскую Россию – в основном за её «величие», за громадные размеры, вдруг как бы спохватывается и признаётся, что у «матушки-Расеи» есть один изъян: для процветания ей недостаёт важного компонента – «толка». И просит японцев поделиться им – дать взаймы: «Велика и изобильна / Наша милая страна, / И в одном лишь очень сильно / Недостаточна она: / Ах, не надо нам ни шёлку, / Ни омаров, ни сурьмы, / Дайте нам немножко толку, / Толку дайте нам взаймы. / Наша Русь – она громада, / Прямо скажем – великан, / Только малость толку надо, / Хоть с пяток аптечных гран» [2].

В процитированных строчках автор начинает более осязаемо отчуждаться и отдаляться от персонажа: хотя субъект повествования остаётся тот же – монолог по-прежнему ведётся от лица сенатора, субъект сознания здесь явно меняется. На отсутствие в России «толка», конечно же, сетует не Коковцов, а автор, решивший в данном фрагменте не прикидываться «сиамским близнецом» графа.

А во второй части фельетона поэтапно происходит смена и субъекта сознания, и субъекта «повествования». Не меняется лишь иронический пафос, но его источником, формальным «ретранслятором» становится новый персонаж.

Сатирик применяет здесь иную форму создания иронического эффекта. Автор во второй части более решительно «отстраняется» от героя и допускает по отношению к нему насмешливые комментарии. Но авторская точка зрения и здесь слегка маскируется – озвучивается от лица некоего ироничного японца, подтрунивающего над своим российским визави и над Россией в целом. Этот «круглый, жёлтый, как червонец», чистый, «как вербный херувим», японец – повествовательная фикция, подобие маски, за которой находится автор, не особенно, впрочем, и прячась.

На просьбу выделить имперской России хоть немного «толку» японец прозрачно намекает, что при сохранении в неизменности существующих порядков и бюрократических препон «толк» совершенно бесполезен: «Хорошо! – сказал японец, – / Толку с фунтик мы дадим! / Верны дружеским девизам, / Вашу им снабдим страну, / Но ведь вы его акцизом / Так обложите, что – ну! / Хоть Россия – великанка, / “Всемирно европам голова”, / Но... для “толка” порто-франко / Учредить бы вам сперва!» [2].

Рассмотренные выше художественные принципы и приёмы Чудаков начал разрабатывать и оттачивать задолго до «Экспорта и импорта», о чём свидетельствует, например, шуточное стихотворение «Патриотическое», опубликованное четырьмя годами ранее [7]. Оно тоже строится на сопоставлении России с другими странами, на «притворстве» автора – на озвучивании им точки зрения, прямо противоположной его собственной, на применении иронии как основного способа демонстрации читателю своей «отчуждённости» от «лирического субъекта». И здесь объектом насмешки становится казённый патриотизм – одно из самых ненавистных Чудакову явлений российской действительности.

Но при этом важно отметить, что сатирик в данном случае свою позицию выражает не прямо, а опосредованно, с помощью иронии, причём предельно мягкой, «деликатной». Эту особенность стилистической манеры автора подметила и исследователь прозы Ф. Чудакова Н.А. Лаптева, определяющая характер применяемой в его рассказах и повестях иронии с помощью слов «ненавязчивая и изящная» [10, С. 40].

Основная мишень иронии автора в стихотворении «Патриотическое» – сознание, образ мыслей российского обывателя, восторгающегося всем «своим», даже явно негодным, и одновременно демонстрирующего пренебрежение к «чужому», в том числе достойному уважения.

Как и в «Экспорте и импорте», в этом стихотворении автор тоже подстраивается под настроение обладателя «патриотического» сознания, «транслирует» его рассуждения о прелестях родного края, однако «засторы» между ними здесь более очевидны: «Мила страна Япония – / Цветущий вертоград! / Но хмурая Челдония / Милее во сто крат! / Мила страна Испания, / Где зреет ананас, / Но хмурая Гурания / Милее во сто раз!» [7]

Внешне как будто бы автор разделяет присущую «лирическому субъекту» гордость за отчизну, вместе с ним отдаёт ей предпочтение перед другими странами. Но при этом дважды именуется её «хмурой», что заставляет читателя предположить, что озвученные восторги и признания в любви – не вполне искренние, что тут кроется подвох, что автору родная «Челдония» на самом деле не так уж и «мила». То есть в данном случае мы имеем дело с такой разновидностью иронии, для которой характерно «использование слов в значении, противоположном тому, которое в действительности подразумевается» [24, С. 822].

Усиливает это ощущение и то, что автор не использует общепринятые, понятные всем обозначения тех мест, которыми восхищается его «лирический субъект». Если другие страны называются их подлинными именами – Япония, Испания, то для обозначения родного края автор создаёт подобие «прозвищ». *Челдонией* он именуется Восточную Сибирь. Неологизм образован от слова *челдон*. Челдонами (чалдонами) называли первых русских поселенцев в Сибири и их потомков [16, С. 489]. В словаре Даля *чалдон* – «бродяга, беглый, варнак, каторжник», в некоторых уральских и сибирских диалектных словарях – «недалёкий», даже «дурак». В речевой практике начала XX в. это слово имело преимущественно негативный оттенок и его нередко использовали как обидное прозвище. В произведениях Чудакова разных жанров слово *челдон* (*чалдон*) используется для наименования сибиряков и амурцев очень часто и, как правило, имеет негативную коннотацию. *Гурания* – Сибирь в широком смысле, а в узком – Забайкалье и Приамурье. Иронический неологизм образован от диалектного слова *гуран* – в данном контексте в значении житель Приамурья, потомок русских переселенцев из Забайкалья [16, С. 108]. В речевой практике и это слово имело примерно такой же негативный оттенок, как и «челдон».

Уже одного этого достаточно, чтобы у читателя сложилось стойкое ощущение существования иронической дистанции между автором и его героем. Следующие два четверостишия – обоснование «лирическим субъектом» своих предпочтений, разъяснение, почему ему «милее» родной край: «К чему сады лимонные, / Когда вокруг подряд / “Стаканчики гранёные / На столике стоят”?! / К чему цветы-купавицы, / Когда, лаская взгляд, / “Иркутские красавицы / Коло меня сидят”?»

Сама эта аргументация «патриотических» чувств выглядит странной уже в силу того, что сопоставляемые достоинства разных стран сводятся в смежные пары по какой-то необъяснимой, кажущейся абсурдной логике: лимонные сады почему-то сравниваются с гранёными стаканчиками, цветы – с иркутскими красавицами. Вторая странность – кавычки, в которые автор заключает перечисляемые в стихотворении «прелести» родной Челдонии. Заключённое автором в кавычки – цитаты из «восточносибирской» версии популярного в начале XX в. романа «Стаканчики гранёные», который имел множество вариантов, в том числе низкопробных, отражавших не самые лучшие свойства национального характера и национального же образа жизни. Реакцией на одну из таких «народных» «стилизаций» и стало стихотворение «Патриотическое». Оставаясь на протяжении всего произведения преимущественно весёлым, в то же время царящий здесь смех – «эстетическая форма критики» [4, С. 18]. Главная,

неизменная сущность смеха и в этом, и во многих других произведениях Чудакова, если воспользоваться выражением современного исследователя «философии смеха», «состоит в усмотрении, обнаружении смеющимся в том, над чем он смеётся, некоторой “меры” зла» [9, С. 14]. Обнаружение в российской действительности и в душах людей укоренившегося «зла» и борьба с ним – смысл творческой работы Чудакова-сатирика. Наиболее часто применяемое им «оружие» – насмешка, ирония, комизм, более редко используемое – прямое обличение.

В финальной части «Патриотического» автор называет ещё более сомнительные «преимущества» родной Чёлдонии: отсутствие в ней спроса «на совесть или честь», готовность «надувать» (обманывать) всех вокруг. То есть здесь уже автор проводит полное размежевание со своим «лирическим субъектом», и его насмешка над псевдопатриотами становится открытой, саркастичной. В более поздних произведениях подобного типа Ф. Чудаков обычно от начала до конца отдавал предпочтение тонкой иронии.

По словам известного российского теоретика литературы, «иронический модус художественности состоит в радикальном размежевании я-для-себя от я-для-другого (в чём, собственно говоря, и состоит притворство)» [17, С. 480]. Подобное «размежевание» легко обнаруживается в большинстве сатирических и юмористических произведений Чудакова, построенных на сопоставлении России с другими странами: «Накись дня (Полярное море кипит и бурлит...)» (1912) [23, С. 174], «Накись дня (И за тридевять земель мы...)» (1912) [23, С. 223] и т.д. Одно из самых коротких – ещё один фельетон в традиционной авторской рубрике «Накись дня», опубликованный в газете «Эхо» двумя годами ранее «Экспорта и импорта» [6]. Основной части произведения предпослана преамбула-эпиграф – газетное сообщение: «Берлинский прокурор отказался возбудить преследование против социалистов рейхстага за их демонстрацию при закрытии рейхстага».

В данном произведении ирония строится преимущественно на *притворстве*. Авторы теории притворства (pretense theory) Г. Кларк и Р. Герриг, объясняя механизм создания иронического эффекта, делают акцент на том, что, применяя иронию, автор «притворяется неразумным человеком, взаимодействующим с непосвящённой аудиторией». При этом он исходит из того, что «те, кому адресована ирония, способны обнаружить притворство (обман)» [25, С. 121].

Именно так и построен фельетон Чудакова: ради создания эффекта «размежевания» я-для-себя от я-для-другого автор «притворяется» человеком, искренне считающим, что провозглашённые в некоторых странах конституционные права, а особенно их соблюдение – нонсенс, верх наивности и глупости. Особенно если на защиту конституционных прав становится представитель власти. И потому первая реакция этого условного персонажа – «среднестатистического» российского обывателя, роль которого взялся исполнить автор, – изумление: «Очень странный прокурор! / Очень странный! Очень странный! / Отказался? Фи! Позор! / Вот скандалище нежданый! / Отказался! Срам и стыд! / Это что ж? На что похоже?» [6]

Такая реакция фельетонного героя на действия берлинского прокурора, на его решимость защищать основной закон страны – свидетельство того, что в Российской империи действуют иные, более привычные для её обитателей правила. Следующие строчки – подтверждение тому. В них обыватель вначале пытается понять причины столь странного, почти безумного с его точки зрения поведения прокурора, а затем, удостоверившись, что тот действовал сознательно, руководствуясь духом и буквой закона, изумляется ещё больше. И, ощутив прилив гордости за родную державу, где подобное немисливо, начинает поучать «немца», объясняя ему, что с ним произошло бы в России, где попытка отстоять права может обернуться тюрьмой: «“Потому что, – говорит, – / Конституция!” О, Боже! / Конституция!!! О, срам! / Жаль, что немец вы, не русский: / Показали бы мы вам / Конституцию с кутузкой» [6].

Присутствующая в процитированных строчках ирония «отчуждает» автора произведения от его условного персонажа, выстраивает между ними не столько повествовательную, сколько мировоззренческую, ценностную дистанцию. В результате, читатель начинает ощущать «зазор» между тем, что автор произведения на самом деле думает о поступке берлинского прокурора, защищающего конституцию, а также о порядках, царящих в самодержавной России, где пренебрежение к закону – норма. Но главное даже не это. Основной объект авторской насмешки – обывательская психология, сознание людей, не только смирившихся с попранием их собственных прав, но и желающих, чтобы и за пределами *матушки-России* всё было устроено так же. Герой фельетона не хочет, чтобы в его стране утвердились порядки, подобные «немецким», он рад, что на таких «прокуроров» в России всегда найдётся управа: «Пусть нас боги сохраняют / От такого прокурора: / Он макаровых телят / Пасть начал бы очень скоро» [6].

Восхваление персонажем фельетона «конституции с кутузкой», притворное согласие с ним автора создают обратный эффект: становятся способом выражения насмешки над псевдопатриотами, превозносящими неприглядные стороны самодержавного строя – полицейщину и казёнщину.

Царящий на страницах этого и других проанализированных произведений смех имеет амбивалентную природу: он одновременно и весёлый, и насмешливый, он «отрицает и утверждает» [3, С. 17].

Заключение

Проведённый анализ стихотворной сатиры Ф. Чудакова, построенной на сопоставлении самодержавной России с другими странами, показал сходство этих произведений не только на уровне тематики и проблематики, но и в плане используемых автором художественных средств и приёмов. Все они построены на монологе персонажей или «лирических субъектов», являющихся выразителями точки зрения «казённых» патриотов, прославляющих монархический строй, причём самые негативные его стороны. Определить в рассмотренных произведениях отношение сатирика к тому, что озвучивают персонажи его фельетонов и «лирические субъекты» юмористических и сатирических стихов, не представляет особого труда. Роль используемой им иронии и состоит в том, что автор, притворно разделяющий точку зрения персонажа или «лирического субъекта», вроде бы «сливающий» свой голос с его голосом, находит художественные возможности развенчать героя или, точнее – озвучиваемую им общественную позицию, его образ мыслей. Открыто не проявляющий себя автор почти «растворяется» в своих персонажах, охотно «транслирует» их аргументацию, как будто бы полностью разделяет их пафос, но в то же время создаёт между ними и собою ощутимую читателем дистанцию, со стороны автора имеющую иронический, отчуждённо-насмешливый

характер. Скрытая или полускрытая авторская насмешка, его «притворство» позволяют сатирику доносить до читателей смысл, прямо противоположный тому, который пытаются выразить персонажи. Главный объект авторской насмешки в проанализированных произведениях – не столько социальные пороки, несовершенство самодержавного строя, сколько присущее какой-то части российского общества обывательское сознание, что, по мнению Чудакова, и формирует благоприятные условия для существования полицейщины и парализующей всё и вся бюрократии. Именно по этой причине Чудаков воссоздаёт в данных произведениях не саму по себе российскую действительность, а сознание, мышление персонажей-обывателей – тех самых, на которых и держится, по мнению сатирика, самодержавный строй.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Амурец. Кто он? / Амурец // Амурское эхо. — 1915. — № 204. — 17 октября. — С. 3.
2. Амурец. Экспорт и импорт / Амурец // Амурское эхо. — 1916. — Прибавление к № 453. — 28 августа. — С. 2.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. 2-е изд. — М.: Художественная литература, 1990. — 543 с. — ISBN 5-280-00710-2.
4. Боров Ю.Б. Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю.Б. Боров. — М.: Искусство, 1970. — 269 с.
5. Голев М.А. Приёмы сатирической типизации в фельетоне Фёдора Чудакова «Слово о полку антрепренёров» / М. Голев // Лосевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. — Вып. 9. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2016. — С. 64–71.
6. Г-рь. Накись дня (Очень странный прокурор...) / Г-рь // Эхо. — 1914. — Прибавление к № 1608. — 20 мая. — С. 2.
7. Г-рь. Патриотическое / Г-рь // Эхо. — 1912. — № 1143. — 22 сентября. — С. 3.
8. Гуслар. Легенда о берёзе / Гуслар // Амурское эхо. — 1916. — № 467. — 18 сентября. — С. 3.
9. Карасёв Л.В. Философия смеха / Л.В. Карасёв. — М.: Российский гуманитарный университет, 1996. — 224 с. — ISBN: 5-7281-0036-8.
10. Лаптева Н.А. Художественный мир прозы Ф.И. Чудакова: диссертация ... канд. филол. наук / Н.А. Лаптева. — Благовещенск, 2022. — 284 с.
11. Липатов В.А. Военная реформа: от солдатской формы до солдатской песни / В.А. Липатов // Военная реформа в России: история и современность. Доклады Всероссийской научной конференции (23–24 ноября 2002 г.). — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. — С. 77–87.
12. Лю Ин. Монологическая речь персонажей фельетонов Ф. Чудакова как форма создания иронического эффекта / Лю Ин // Лосевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. — Вып. 12. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. — С. 88–103.
13. Лю Ин. Роль литературных аллюзий в фельетонах Фёдора Чудакова на международную тематику / Лю Ин // Молодёжь XXI века: шаг в будущее: материалы XIX региональной научно-практической конференции: в 3 т. Т. 1. — Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2018. — С. 95–96.
14. Лю Ин. Элементы стилизации и пародии в фельетоне Ф. Чудакова «Эдип на Амуре» / Лю Ин // Лосевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. — Вып. 13. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2020. — С. 62–78.
15. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. — М.: Просвещение, 1974. — 509 с.
16. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятина, Н.П. Шенкевец. — 2-е изд., испр. и доп. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. — 544 с. — ISBN 978-5-8331-0143-8.
17. Тюпа В.И. Художественность / В.И. Тюпа // Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины // под ред. Л.В. Чернец. — М.: Высшая школа; Издательский центр «Академия», 1999. — С. 463–482. — ISBN 5-06-003357-0.
18. Урманов А.В. Особенности сатирической типизации в фельетоне Ф. Чудакова «Баллада недалёкого будущего» / А.В. Урманов, Лю Ин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 11–2 (89). — С. 262–267.
19. Урманов А.В. Функция языковой архаики в фельетонах Ф. Чудакова / А.В. Урманов, Лю Ин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2020. — № 3 (66). — С. 117–128.
20. Урманов А.В. «Мы твёрдо стали на Амуре...». История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях: монография / А.В. Урманов. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. — 528 с. — ISBN 978-5-8331-0415-6.
21. Урманов А.В. Образы гласных городской думы Благовещенска в стихотворных фельетонах Ф. Чудакова / А.В. Урманов // Лосевские чтения: материалы региональной научно-практической конференции. — Вып. 12. — Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. — С. 4–16.

22. Чехов А.П. Степь / А.П. Чехов // Сочинения: в 18 т. Т. 7: Рассказы, повести (1888–1891). — М.: Наука, 1986. — С. 13–104.
23. Чудаков Ф.И. Избранное: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2 т. Т. 1: Накипь дня: Сатира. Легенды и сказки. Лирика / Ф.И. Чудаков; сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Урманова. — М.: Викмо-М: Русский путь, 2019. — 800 с. — ISBN 978-5-98454-052-0.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Amurec. Kto on? [Amur Man. Who is He?] / Amurec // Amurskoe ekho [Amur Echo]. — 1915. — V. 204. — October, 17. — P. 3. [in Russian]
2. Amurec. Eksport i import [Amur Man. Export and Import] / Amurec // Amurskoe ekho [Amur Echo]. — 1916. — Addendum to No. 453. — August, 28. — P. 2. [in Russian]
3. Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennansa [The Work of Francois Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and the Renaissance] / M.M. Bahtin. — M.: Fictive Literature, 1990. — 543 p. [in Russian]
4. Borev Yu.B. Komicheskoe, ili O tom, kak smekh kaznit nesovershenstvo mira, ochishchaet i obnovlyaet cheloveka i utverzhdaet radost' bytiya [Comic, or How Laughter Punishes the Imperfections of the World, Cleanses and Renews a Person and Affirms the Joy of Being] / Yu.B. Borev. — M.: Art, 1970. — 269 p. [in Russian]
5. Golev M.A. Priyomy satiricheskoy tipizatsii v fel'etone Fyodora Chudakova "Slovo o polku antreprenyorove" [Techniques of Satirical Typification in Fyodor Chudakov's Feuilleton "The Lay of the Entrepreneur's Regiment"] / M.A. Golev // Losevskie chteniya: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Losevsky Readings: materials of the Regional Scientific and Practical Conference]. — Blagoveshchensk: BSPU Publishing house. — 2016. — V. 9. — P. 64–71. [in Russian]
6. G-r. Nakip' dnya (Ochen' strannyj prokuror...) [Scum of the Day (A Very Strange Prosecutor...)] / G-r // Echo. — 1914. — Addendum to No. 1608. — May, 20. — P. 2. [in Russian]
7. G-r. Patrioticheskoe [Patriotic] / G-r // Echo. — 1912. — V. 1143. — September, 22. — P. 3. [in Russian]
8. Guslyar. Legenda o beryoze [The Legend of the Birch] / Guslyar // Amurskoe ekho [Amur Echo]. — 1916. — V. 467. — September, 18. — P. 3. [in Russian]
9. Karasyov L.V. Filosofiya smekha [Philosophy of Laughter] / L.V. Karasyov. — M.: Russian University of Humanities, 1996. — 224 p. [in Russian]
10. Lapteva N.A. Hudozhestvennyj mir prozy F.I. Chudakova: [The Artistic World of Fedor Chudakov's Prose]: diss ... PhD in Philology / N.A. Lapteva. — Blagoveshchensk, 2022. — 284 p. [in Russian]
11. Lipatov V.A. Voennaya reforma: ot soldatskoj formy do soldatskoj pesni [Military Reform: from the Soldier's Uniform to the Soldier's Song] / V.A. Lipatov // Voennaya reforma v Rossii: istoriya i sovremennost'. Doklady Vserossijskoj nauchnoj konferencii (23–24 noyabrya 2002 g.) [Military Reform in Russia: History and Modernity. Reports of the All-Russian Scientific Conference (November 23–24, 2002)]. — Yekaterinburg: Humanities University, 2002. — P. 77–87. [in Russian]
12. Liu Ying. Monologicheskaja rech' personazhej fel'etona F. Chudakova kak forma sozdaniya ironicheskogo jeffekta [The Monological Speech of Fedor Chudakov's Feuilleton Characters as a Form of Ironic Effect's Creation] / Ying Liu // Losevskie chteniya: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Losev Readings: materials of the Regional Scientific and Practical Conference]. — Blagoveshchensk, BSPU Publishing House, 2019. — V. 12. — P. 88–103. [in Russian]
13. Liu Ying. Rol' literaturnyh allyuzij v fel'etonah Fyodora Chudakova na mezhdunarodnyu tematiku [The Role of Literary Allusions in Fyodor Chudakov's Feuilletons on International Topics] / Ying. Liu // Molodyozh' XXI veka: shag v budushchee: materialy XIX regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Youth of the 21st Century: a Step into the Future: materials of the 19th Regional Scientific and Practical Conference]: in 3 volumes. — Blagoveshchensk: DalGAU Publishing House, 2018. — V. 1. — P. 95–96. [in Russian]
14. Liu Ying. Elementy stilizatsii i parodii v fel'etone F. Chudakova "Edip na Amure" [Elements of Stylization and Parody in F. Chudakov's Feuilleton "Oedipus on the Amur"] / Ying. Liu // Losevskie chteniya: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Losevsky Readings: materials of the Regional Scientific and Practical Conference]. — Blagoveshchensk, BSPU Publishing House, 2020. — V. 13. — P. 62–78. [in Russian]
15. Slovar' literaturovedcheskih terminov [Dictionary of Literary Terms] / ed.-comp. by L.I. Timofeev, S.V. Turaev. — M.: Enlightenment Publ., 1974. — 509 p. [in Russian]
16. Slovar' russkih govorov Priamur'ya [Dictionary of Russian Dialects of the Amur Region] / Authors and compilers: O.Yu. Galuza, F.P. Ivanova, L.V. Kirpikova, L.F. Putyatina, N.P. Shenkevets. — 2nd ed., rev. and suppl.. — Blagoveshchensk, BSPU Publishing House, 2007. — 544 p. [in Russian]
17. Tyupa V.I. Hudozhestvennost [Artistry] / V.I. Tyupa // Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: Osnovnye ponyatiya i terminy [Introduction to Literary Criticism. Literary Work: Basic Concepts and Terms] / ed. by L.V. Chernets. — M.: Higher School; Publishing Center "Academy", 1999. — P. 463–482. [in Russian]
18. Urmanov A.V. Osobennosti satiricheskoy tipizatsii v fel'etone F. Chudakova «Ballada nedalyokogo budushchego» [The Particularities of Satirical Typification in Fedor Chudakov's «Ballad of Approaching Future»] / A.V. Urmanov, Ying. Liu // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of Theory and Practice]. 2018. — V. 11-2 (89). — P. 262–267. [in Russian]
19. Urmanov A.V. Funkciya yazykovoj arhaiki v fel'etonah F. Chudakova [The Function of Linguistic Archaism in F. Chudakov's Feuilletons] / A.V. Urmanov, Ying. Liu // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya [Bulletin of Tver State University. Series: Philology]. — 2020. — V. 3 (66). — P. 117–128. [in Russian]
20. Urmanov A.V. «My tvjordo stali na Amure...». Istoriya literatury Priamur'ja v licah, sud'bah, tvorcheskih iskanijah: monografija [«We Firmly Established Ourselves on the Amur...» The History of Amur Literature in Faces, Destinies, Creative

Pursuits] / A.V. Urmanov. — Blagoveshchensk, BSPU Publishing House, 2019. — 528 p. — ISBN 978-5-8331-0415-6. [in Russian]

21. Urmanov A.V. Obrazy glasnyh gorodskoj dumy Blagoveshchenska v stihotvornyh fel'etonah F. Chudakova [Images of the Council Members of the Blagoveshchensk City Duma in the Poetic Feuilletons of F. Chudakov] / A.V. Urmanov // Losevskie chteniya: materialy regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii [Losevsky Readings: materials of the Regional Scientific-Practical Conference]. — Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2019. — V. 12. — P. 4–16. [in Russian]

22. Chekhov A.P. Step' [Steppe] / A. P. Chekhov // Sochineniya: v 18 t. T. 7: Rasskazy, povesti (1888–1891) [Works: in 18 vols. Vol. 7: Stories, Tales (1888–1891)]. — M: Nauka, 1986. — P. 13–104. [in Russian]

23. Chudakov F.I. Izbrannoe: iz tvorcheskogo naslediya vydayushchegosya satirika nachala XX veka: v 2 t. T. 1: Nakip' dnya: Satira. Legendy i skazki. Lirika [Selected Works: from the Creative Heritage of an Outstanding Satirist of the Early 20th Century: in 2 Volumes. Vol. 1: Scum of the Day: Satire. Legends and Fairy Tales. Lyrics] / F.I. Chudakov // Comp., prepared text, intro, comment. By A.V. Urmanov. — M.: Vikmo-M: Russian way, 2019. — 800 p. [in Russian]